

А. П. Горшков

ПРИКАЗАНО:

ВЫСТОЯТЬ!

*Записки командира
Тульского рабочего полка*

Анатолий Горшков

Приказано: выстоять!

«ЛитРес: Самиздат»

2016

Горшков А. П.

Приказано: выстоять! / А. П. Горшков — «ЛитРес: Самиздат»,
2016

Генерал-майор в отставке Анатолий Петрович Горшков был первым командиром Тульского рабочего полка. Его воспоминания о подвиге туляков, дополненные рассказами участников тех суровых боев, легли в основу этой книги. В ней нет вымышленных действующих лиц, все ее герои — реальные люди, грудью вставшие в годы Великой Отечественной войны на защиту Родины. Книга посвящена светлой памяти туляков и адресована молодежи, тем, кому умножать подвиги отцов и дедов.

Содержание

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!	5
Почетный гражданин города-героя Тулы и Тульской области генерал-майор В.П.Лебедев	6
Глава I	7
ГЛАВА II	15
Конец ознакомительного фрагмента.	18

НИКТО НЕ ЗАБЫТ, НИЧТО НЕ ЗАБЫТО!

Туляки гордятся тем, что их родной город носит звание Городагероя, что это был первый город, который не смогли взять немецкие войска в 1941 году, но плохо ориентируются в истории обороны и в лучшем случае вспоминают Тульский рабочий полк.

Возникает вопрос – почему роль сотрудников НКВД в обороне Тулы упоминается иногда и вскользь? Есть ответ и на этот вопрос. После смерти И. В. Сталина, разоблачения его культа личности, расстрела Л. П. Берии, последующие хрущевские гонения на НКВД в целом не давали возможности через печать правдиво рассказать о подвигах воинов-чекистов. Чиновники от печати, особенно на местах, стараясь перестраховаться и не отстать от новых веяний, не допускали к печати все, где упоминалась аббревиатура «НКВД». Для них все были равны: ежовские палачи, и разведчики, ежечасно рисковавшие жизнью в тылу врага, и бойцы войск НКВД, закрывавшие собой прорванные врагом фронты, как было не только в Туле, но и в Сталинграде. С новой силой это продолжилось в горбачевско-ельцинские времена вплоть до последнего времени, что подтверждается большим количеством кинофильмов, литературных и прочих произведений, где негативно отражается 74-летний советский период нашей истории и менталитет советского человека. А про то, что писалось, показывалось и говорилось про НКВД и КГБ, и говорить нечего.

Этим объясняется тот факт, что воспоминания А. П. Горшкова о Тульском рабочем полке, о создании органами НКВД истребительных батальонов вышли незадолго до его смерти в 1985 году и местами напоминают исповедь человека, который сделал это слишком поздно, хотя и по не зависящим от него причинам.

Очень жаль, что некоторые чиновники, имея смутное представление об истории обороны Тулы, разными способами тиражируют свои и чужие заблуждения.

Хочу дать один совет: без воспоминаний об обороне Тулы Председателя городского комитета обороны В. Г. Жаворонкова и первого командира Тульского рабочего полка капитана НКВД А. П. Горшкова всякие «труды» на эту тему теряют смысл, дезориентируют читателей и «льют воду» на мельницу «переписывателей» истории государства Российского.

Много лет ветераны и сотрудники Тульского управления ФСБ боролись за восстановление исторической справедливости. Их борьба увенчалась успехом. В Кремлевском сквере 7 мая 2015 года, в год 70-летия победы Советского народа в Великой Отечественной войне был открыт памятник и зажжен Вечный огонь в честь сотрудников органов безопасности, партизан, бойцов разведывательных групп и истребительных батальонов, принимавших участие в обороне Тулы осенью-зимой 1941 года. Одна из фигур памятника делалась с портрета А. П. Горшкова.

Идея переиздать книгу воспоминаний А. П. Горшкова «Приказано: выстоять! Записки командира Тульского рабочего полка» появилась во время подготовки к изданию книги «Победители», посвященной 75-летию разгрома немецких войск под Москвой и Тулой. Она была поддержана губернатором Тульской области А. Г. Дюминым, благодаря усилиям которого А. П. Горшкову присвоено звание Героя Российской Федерации за мужество и героизм, проявленные при обороне города Тулы от немецко-фашистских захватчиков в период Великой Отечественной войны 1941–1945 годов.

Отдавая дань уважения авторскому коллективу, помогавшему А. П. Горшкову в создании книги, при ее переиздании была полностью сохранена графика и выходные данные первого издания 1985 года. Надеюсь, что эта книга станет пособием по патриотическому воспитанию подрастающего поколения.

Почетный гражданин города-героя Тулы и Тульской области генерал-майор В.П.Лебедев ОТ АВТОРА

Эта книга – первая и, пожалуй, единственная в моей жизни. Я не писатель, а профессиональный военный, и моим делом была защита Родины. Война застала меня в Москве, в Главном управлении пограничных войск, где я тогда служил. В июле сорок первого года получил назначение в Управление НКВД по Тульской области. Возглавил отдел, который занимался организацией и руководством истребительными батальонами, партизанскими отрядами, диверсионно-разведывательной работой в тылу врага.

Постановлением Тульского городского комитета обороны 23 октября 1941 года был утвержден командиром рабочего полка, сформированного в невероятно короткий срок – за четыре дня. Он стал одной из тех немногих частей, которые первыми приняли на себя удар танков Гудериана. Об истребительных батальонах, о Тульском рабочем полке мой рассказ. О людях, которые стали его костяком, о рабочем классе Тулы, о силе партийного руководства обороной города, о тех безымянных героях, которые сложили головы у стен родного дома, не пустив врага дальше, на Москву. О Красной Армии, с воинами которой плечом к плечу мы выстояли в лихую годину гитлеровского нашествия.

В полку не велся архив, и многие героические страницы обороны Тулы остались лишь в нашей памяти – свидетелей и участников тех грозных событий сорок первого года. Куда бы ни забрасывала потом меня судьба – на Брянский фронт, где был заместителем начальника штаба партизанского движения, в Белоруссию, в Югославию, куда был послан заместителем начальника военной миссии, на мирные стройки, где пришлось работать после Победы, — все эти годы я ощущал долг перед воинами рабочего полка, перед подвигом, который они совершили. Потому и решился написать книгу, рассказать в ней, как сражались, как выстояли, как побеждали туляки. Не все сохранила память, о многом напомнили мне письма и встречи с ветеранами Тульского рабочего полка. Приношу глубокую благодарность А. В. Калиновскому, А. А. Елисееву, Н. И. Журило, А. Т. Алексееву, Б. М. Сосонкину, П. Д. Шишкину, С. И. Марухину, Е. Н. Паньшиной, И. Д. Васильеву, А. А. Тимофееву, Г. А. Чепурному, моим большим друзьям-косогорцам и многим другим, кто помог в работе над книгой.

– Искренне благодарен журналисту Василию Михайловичу Карпию, который не только сделал литературную запись моих воспоминаний, но и провел вместе со мной большую исследовательскую работу по восстановлению хронологии событий сорок первого года, по поиску людей, создавших бессмертную славу полка.

Эта книга – память о грозных событиях, о туляках, любовь к которым я пронесу через всю жизнь.

Глава I

... До сих пор помню прикосновение стетоскопа к груди и заключение старого врача, который, выбив дробь пальцами у меня на спине, сказал:

– Вашему здоровью позавидует любой. Куда желаете? В какой род войск?

– Вон в ту дверь желает, – не дал мне ответить военком и показал в дальний конец коридора. – В номер семнадцатый. Мы к этому молодцу давно приглядываемся...

Признаться, я не понял последней реплики военкома. Пошел. У двери на стульях сидели три моих ровесника. Что нас ждало за этой таинственной дверью, мы не знали, а те, кто выходил из комнаты, улыбались загадочно и неопределенно.

– Горшков Анатолий Петрович? – молодой загорелый человек, сидя за столом, внимательно оглядел меня.

– Так точно, – по-уставному ответил я.

– Расскажите о себе.

Что я мог рассказать? Детство прошло в деревне, у бабушки. Изба наша стояла на пригорке у Москвы-реки, на окраине села Ново-Покров Гжатского уезда Смоленской области. К девяти годам я уже умел многое: деревенские мужики охотно делились со мной секретами работы. Возил на поля навоз, бороновал землю, жал серпом рожь, дергал лен... Бабушка была бобылка, земли своей не имела, батрачила у помещицы Епишкиной. Вышла замуж за пастуха. Жилось трудно, и пришлось деду моему пойти на отхожий промысел в Москву. Приняли его половым в трактир. Когда подросли дети – мама моя и дядя Михаил, забрал их в Москву, чтобы пристроить к делу.

Мама оказалась способной ученицей швей-белошвейки на фабрике Прохорова (в будущем знаменитой «Трехгорки») и вскоре стала хорошей мастерицей. Замуж вышла за московского мещанина портновского цеха (было и такое сословие) Петра Васильевича Калошина, который вскоре «выбился в люди» – стал писмоводителем.

В 1908 году, 9 мая, родился я, нареченный Анатолием. В Москве жизнь становилась все тяжелей, и бабушка через два года вернулась в деревню, забрав с собой и меня. Пять лет я прожил в деревне, там пошел в школу. После смерти отца мама вышла замуж за железнодорожного телеграфиста Алексея Федотовича Горшкова. С этого времени я снова в Москве. Жили мы в трех километрах от Белорусского вокзала, ездили в разные села менять вещи на продукты, когда голод хозяйничал в городе. Потом поступил в замечательное по тому времени мануфактурно-текстильное училище имени Декабрьского вооруженного восстания 1905 года, готовившее рабочих для «Трехгорки» и других текстильных фабрик. 1 марта 1924 года вступил в комсомол.

Гравер-накатчик – эту профессию я получил в училище. Работал на фабрике им. Свердлова в Хамовниках, затем вернулся на «Трехгорку». Здесь меня избрали председателем культурно-массовой комиссии фабкома, а позже назначили... директором Дома культуры фабрики.

В апреле 1930 года в Краснопресненском райкоме партии мне вручили партийный билет. Я стал коммунистом.

И вот – призыв в Красную Армию.

...Разговор был недолгим. Политрук школы младшего комсостава, который приехал в Москву, чтобы набрать курсантов, времени зря не терял. По его вопросам я понял, что он знает мою короткую биографию едва ли не лучше, чем я сам. На его предложение стать пограничником ответил утвердительно. Понятие о службе на границе я имел весьма возвышенное и героическое.

... Эшелон стоял в двух километрах от Ярославского вокзала. На каждой теплушке – надпись: 40 человек или 8 лошадей. Шум, говор, звуки гармошек, песни провожающих и над всем этим высокий чистый девичий голос: «Не ходил бы ты, Ванек, во солдаты...»

Пробился к своему вагону. Там уже стояли в неровном строю мои будущие сослуживцы. Политрук быстро провел переключку и разрешил попрощаться с близкими. Я вернулся к матери. Она тихонько погладила меня по щеке:

– Колючий... Уже мужчина. Как быстро ты вырос, сынок! – в ее голосе было сожаление, удивление, гордость... – Только береги себя, там, Толя.

Я улыбнулся и погладил ее по голове.

– Приготовиться к погрузке! – пронеслось вдоль эшелона, и эта команда словно вдохнула новые силы в обессилевшее и притихшее было веселье.

Мама заплакала. Кто-то несмело дернул меня за рукав. Рядом стояла Тамара.

– Я давно тут, – она опустила глаза. – Только подойти боялась. Перехватило горло, и стало трудно дышать. Я смотрел в ее серые глаза и жадно искал ответ на единственный свой вопрос: «Будешь ждать?»

– Буду! – сказала она, угадав мою тревогу.

– По вагонам!

Молча обнял мать, тихонько притянул к себе Тамару, поцеловал ее в теплые темные волосы и побежал к своим. Длинная армейская шинель, подаренная соседом, была по ногам, и было такое ощущение, что кто-то хватается за сапоги, не отпуская из настоящего в будущее.

... И вот эшелон, бойко отстукивая колесами, погромыхивая на стрелках, окутался паром и дымом, выбрался из Москвы на дорогу, протянувшуюся через всю страну. Быстро улеглась суматоха, вызванная проводами, и мы начали обживать теплушку. Политрук подождал, пока устроимся на своих местах, потом зычным голосом скомандовал:

– Стройся! Будем назначать дневальных. Так началась моя служба.

Дальние путешествия... Кто в детстве и юности не мечтал о них? Кому не снились синие моря, паруса, трепещущие на ветру, неведомые страны? Но чем взрослее становился, тем реальнее смотрел на мир, тем глуше отдавалась в душе боль от неутоленной жажды познания мира, который лежал за пределами Москвы. Время примиряет нас с потерей детских надежд и планов.

Эта поездка была как подарок. Долгие дни и ночи под перестук колес мчал нас поезд по стране. Жухлые, выгоревшие под солнцем степи, темные леса, серебристые ленты рек, глубокие ущелья... Станции, полустанки, разъезды... Как в огромном калейдоскопе менялись пейзажи за дверью нашей теплушки.

С каждым днем дом отодвигался все дальше и дальше, но я с удивлением замечал, что это меня почти не трогает. В душе поднималось незнакомое, не испытанное мной ранее большое чувство ко всему, что видел. Это была и гордость, и удивление перед величием нашей страны, и ощущение собственной причастности к ней, к ее судьбе, и сомнение: «Смогу ли защищать вот эти деревни, поля, леса, реки, если вдруг возникнет в том необходимость? Не дрогну ли?» Эти вопросы не рождались сами собой, они приходили после бесед политрука, сопровождавшего нас. Он рассказывал о заставах, о границе, о пограничниках, и наше воображение рисовало удивительных людей.

В Хабаровск приехали утром. Жаль было расставаться с теплушкой – за дни дороги она стала для нас домом, обжитым и по-своему уютным. Но и безделье нам, рабочим людям, уже изрядно надоело. Сходили в баню, получили форму, поставили нас на довольствие, выдали оружие – винтовку, клинок. Все было ново, все в диковинку. Но уж совсем растерялись, когда за каждым из нас закрепили лошадь. Добрым словом тогда вспомнил я деревенскую свою жизнь, кузнеца, который приучал меня обхождению с лошадьми. И потому подошел к своему Вихрю почти без опаски.

Хорошее дело – дисциплина. Я быстро втянулся в размеренный армейский ритм, с его почти аскетической целесообразностью, подчинением каждой минуты делу. Строевая подготовка, изучение уставов, рубка лозы – сначала на коне, идущем шагом, потом рысью, галопом, мытье казармы, дежурство на кухне, стрельба, политзанятия... Я похудел, окреп. Ничто не омрачало моей службы, вот только писем от Тамары не было. Впрочем, эта неизвестность длилась недолго. Перед отъездом из полковой школы младшего командного состава на практику на заставы я получил письмо от матери, которое все разъяснило: «Вышла Тамара замуж. Видать, не пара ты ей».

Больно стало мне от этой вести, больно и горько. Но служба не дает надолго замыкаться в своем горе. А вскоре сбылось мое желание: я получил назначение на пограничную заставу.

...Конец февраля 1931 года на Дальнем Востоке был теплым. Снег быстро сошел, но ночью подмораживало, лужи затягивало ледком. Во всем чувствовалась близкая весна.

На заставе нам были рады, как бывают рады новым людям лишь пограничники. Суровая служба, наряды, отрезанность от городов и сел накладывают свой отпечаток на жизнь заставы. И потому каждого нового человека здесь встречают как дорогого гостя.

Сразу же после обеда получил приказ готовиться к ночному наряду. Остались позади длинные дни военной учебы и теперь лишь несколько часов отделяли меня от события, которого я так долго ждал.

– Кто здесь Горшков? – подошел к нам коренастый крепкий пограничник.

– Пойдем со мной, – и он зашагал к казарме.

Я поравнялся с ним. Он окинул меня взглядом исподлобья, шумно вздохнул и сказал:

– Парамонов я. Проводник собаки. В наряд с тобой пойдем.

И вот мы уже стоим по стойке «смирно», а начальник заставы говорит глуховатым голосом: «Приказываю выступить на охрану границы Союза Советских Социалистических Республик. Вид наряда...» Мы вышли за ворота заставы. Джек обнюхал меня и быстро признал своим.

– Застава – наш левый фланг, – объяснял мне на ходу Парамонов, – вон те сопки – правый фланг. Туда сейчас и пойдем.

После всех разговоров о границе, после многодневного ожидания выхода в дозор я чувствовал себя, как натянутая струна. Слышал шорох листьев, шуршание полевых мышей под ними, звон ручейка, бегущего где-то недалеко от нас, дыхание Парамонова, мягкое шлепанье Джека.

И вдруг – шорох! Он был не из этого, ставшего вдруг привычным и понятным мне мира. Я тронул Парамонова за плечо: «Кто-то идет...» Он остановился, прислушался. Глянул на собаку, та – на него.

– Показалось тебе, – сказал и пошел дальше.

Прошли мы еще немного, и я уже отчетливо слышу: кто-то крадется навстречу. Собака повела носом и потянула в сторону, откуда слышался шорох.

– Перережем дорогу, – сказал Парамонов. – Они пойдут по ней.

Мы проскочили густой кустарник, залегли. Тела я почти не чувствовал, лишь сердце колотилось в груди. В серебристом свете луны увидели человека. За ним шел другой, третий, четвертый, пятый... Пять!

– Спокойно, Толя, спокойно, – прошептал мне вдруг Парамонов. – Мы возьмем их, только не суетись.

Станным образом, но шепот этот меня мгновенно отрезвил.

И вот уже нарушители в трех метрах от нас.

– Стой! – Парамонов вскакивает, и, словно спущенная пружина, рядом с ним промелькнула наша собака. Реакция нарушителей была мгновенной: поворот и враспынную назад к границе.

– Фас! – Джек метнулся к ближайшему беглецу. Парамонов вскинул винтовку и выстрелил над головами нарушителей. Крик того, на которого бросилась наша собака, выстрелы охладили пыл беглецов, и они поспешно выстроились на дороге. Все произошло настолько быстро, что я не успел даже ощутить азарта задержания...

– Руки за голову! Не двигаться! – Парамонов спокойно и уверенно руководил задержанными. – Стань у них сзади, – кивнул он мне. – В случае сопротивления, попытки к бегству стреляй без предупреждения.

Но стрелять мне не пришлось. Мы услышали дробь копыт лошадей группы пограничников, идущей нам на помощь. Передали своим товарищам нарушителей и вновь углубились в кустарник – срок наряда не кончился. Вернулись мы на заставу, преисполненные гордости, собственного достоинства, старательно скрывая свою радость под маской напускной усталости и спокойствия. Особенно трудно это удавалось мне – первый наряд, и вот на тебе – задержание!

Крепился недолго и, едва остался со своими одногодками, такими же новичками, как и я, куда девалось мое спокойствие. Рассказывал намного дольше, чем длилось само задержание, и, наверное, так и не смог бы уйти от этой темы, но меня позвал Парамонов:

– Пошли, поглядишь на свою работу.

В комнате дежурного на лавке сидели пятеро нарушителей. Они несли через границу шелк.

– Видал, каких красивых птичек взяли? – засмеялся начальник заставы. – Молодец, Горшков. Хорошо начинаешь!

И я вдруг понял совершенно отчетливо: не смогу больше без границы...

А ровно через год после начала службы был в Благовещенске. Только шинель на мне была уже командирская и петлицы украшали два «кубаря». Прибыл я на стажировку в кавалерийский пограничный отряд.

– Займетесь одним мелким служащим железной дороги, – я внимательно слушал начальника группы, в которую меня зачислили. – Аккуратно является на работу, золото не моет нигде, но в магазин торгсина ходит два раза в неделю – сдает «металл». Нужно узнать, откуда он у него.

Магазины торгсина были организованы для тех, кто имел драгоценности и хотел обменять их на дефицитные товары. Но сюда шли и те, у кого сохранились алмазы, золото, серебро от богатых родственников, и те, кто утаил золото на прииске или добыл его, нарушая государственную монополию.

Несколько дней издали присматривался я к своему «подопечному». Пальтецо потертое, потухшие глаза, осунувшееся лицо рано постаревшего человека. Два раза в неделю появлялся он в магазине, вынимал гильзу патрона и, вытащив пробку из нее, высыпал на весы несколько граммов желтого металла. Получал взамен продукты и торопливо уходил. Значит, было у него золото. Откуда? Сколько? Я мог строить какие угодно предположения, но где то, единственно верное? Пришлось детально заняться прошлым этого человека. Выяснилась одна любопытная деталь – до революции он работал у золотопромышленника в лаборатории. Наворовал тогда еще, а теперь понемногу меняет? Нашел забытое или спрятанное?

– Ни для ареста, ни для допроса у нас нет оснований, – охладил мой пыл начальник группы. – А поговорить с человеком можешь. Все в жизни бывает... Но безоговорочно записывать кого-то в преступники мы не имеем права, пока не будет на то бесспорных доказательств.

И вот этот человек передо мной. Робкие движения, присел на краешек стула, мнет фуражку. До золота добрались быстро.

– Под окном я его и беру.

– Как под окном? – опешил я.

– Под окном. Когда работал в лаборатории, имел дело с пробами породы. Поисковые партии присылали нам по несколько мешков песка, а мы определяли, есть в нем золото или нет.

Пробу сделаем, а остальной песок высыпали во двор. Потом революция, лабораторию закрыли. Но жить-то надо. Я и подумал, что в той куче песка золото есть. Немного, но есть. Решил, что буду мыть его. И себе польза, и Советской власти.

– Почему не заявили?

– Я же ничего противозаконного не делал.

– Придется проверить.

Четыре дня с двумя красноармейцами я промывал песок. И положил на стол начальника группы увесистый мешочек. Пять тысяч граммов золота было в нем.

– Дело провели вы четко, – начальник похлопал по мешочку. – А за золото – спасибо...

Вернувшись в Хабаровск, я сдал экзамен на «отлично», в подарок от начальника Управления пограничных войск Василия Васильевича Чернышева получил именную пистолет. Из нашего набора лишь двоим – мне и Баранову – предложили остаться на границе.

Я написал рапорт и попросился в Благовещенск. Просьбу мою удовлетворили.

В Благовещенске меня ждали. Ждали товарищи по службе. Ждала Тоня. Не мог я уже представить свою жизнь без ее чуточку удивленных серых глаз, милого лица, которое словно освещала всегда добрая и спокойная улыбка...

...Мерно отстукивал километр за километром поезд. Я дремал, прислонившись к стенке вагона. На душе было спокойно. Вот и определилась моя судьба. Нежданно, негаданно, за тысячи километров от дома, нашел себе дело в жизни. Настоящее, мужское дело – защищать Родину.

В отряде встретили меня как своего. Быстро устроился с жильем и тут же приступил к работе. Тоню увидел лишь на третий день. Работала она в бухгалтерии нашей столовой, встретились мы с ней случайно.

– Вы здесь... – тихо сказала она, увидев меня.

– Да. Не смог без вас, – попытался пошутить я, но шутки не получилось. Тоня глядела на меня серьезно. – Буду служить здесь.

– Я рада, – просто сказала она. – Выберите время, приходите к нам пить чай.

– Я уже выбрал. Сегодня можно?

– Быстрый вы, – она засмеялась. – Но уж раз пригласила... Небольшой деревянный домик на другом конце Благовещенска.

Чистота и уют в нем. Впервые остро ощутил, как отвык от домашнего тепла, покоя, тишины. Мама Тони – Татьяна Никифоровна – встретила меня с той располагающей русской простотой, которая дает почувствовать себя своим человеком даже в чужой семье. С этими двумя женщинами мне было удивительно хорошо. Родом мои новые знакомые оказались из Крапивны Тульской области.

...Меня направили в группу Зенкевича, опытного, знающего пограничника, участника гражданской войны. Занималась эта группа делом Волошина. Я уже слышал о Волошине, который вел ожесточенную борьбу против Советской власти. Но переходил ли нашу границу, никто не знал, его ни разу не задержали. А вот людей, которых он засылал к нам, арестовывали.

При переходе границы взяли Пименова, «легенда» которого быстро рухнула. Выяснилось, что он был послан для связи с организацией из амурских казаков, ставящих целью свержение Советской власти на Амуре. Руководил ими из Харбина бывший белогвардейский офицер Волошин. Арестовали и двух заговорщиков из местных казаков. Эти простые, бесхитростные люди быстро во всем признались, раскаялись, согласились нам помочь.

Вскоре Зенкевич знал обо всем, что происходило в подпольной организации. Можно было приступить к ее ликвидации, но тут кому-то пришла в голову мысль: «А не вырвать ли у змеи жало? Не вызвать ли из-за границы Волошина и взять его?»

– Товарищи, – заместитель начальника погранотряда Варивода медленно прошаживался по кабинету, – главное сейчас – Волошин. От имени заговорщиков нам удалось его вызвать

сюда. Брать будем на нашей территории. Думаю, о важности этого задержания говорить не стоит. Детали операции – у Зенкевича.

Зенкевич четко и ясно указал каждому из нас место засады, распределил, кто кого из заговорщиков будет задерживать сразу же после ареста Волошина. Я слушал его и понимал: свадьба, которую мы с Тоней назначали через три дня, в воскресенье, срывается.

На следующий день я был уже на заставе. Последнее совещание проводил Зенкевич.

– К задержанию все готово. Наряды предупреждены, проход сделан. С Волошиным придут еще двое. Выделяем три группы. В первой, ударной, буду я сам, мы будем брать Волошина с людьми. Две другие группы – страхующие. Один из бывших заговорщиков помогает нам – он и выведет всех в нужный район.

Вечером мы сидели в горнице маленькой теплой избы неподалеку от нужной нам ложины. Едва стемнело, надели полушубки, маскхалаты и двинулись по глубокому снегу. Залегли. Впереди – группа по захвату Волошина, левее от нас – вторая страхующая группа. Тихо. Лишь изредка из деревни долетал лай собаки да потрескивали деревья на морозе. Лежать пришлось долго. Холод сковывал тело.

В три часа ночи мы услышали шаги. Район задержания был выбран точно – Волошин уже успокоился, граница осталась позади, и грозная команда Зенкевича «Стой! Руки вверх!» застигла трех нарушителей врасплох.

Возвращаясь на заставу, я испытывал даже легкое разочарование: матерый враг, мастер стрельбы, отличный борец и так просто был взят.

– За службу всех благодарю, – Зенкевич, стоя перед строем нашей группы, подводил итоги операции. – Сработали все звенья отлично.

А потом мы возвращались в розвальнях в Благовещенск. Зенкевич лежал в одних санях с нами, молодыми командирами, отслужившими на границе лишь по несколько месяцев, и говорил:

– Вот вы расстроились, что тихо так вышло. Без стрельбы, без погони, без крови. А я рад, что все живы. В этом и заключается высшее мастерство пограничника – взять врага, перехитрить его, обезвредить и вернуться домой...

Заговорщиков брали на следующую ночь. Аресты провели одновременно во всех деревнях, где были члены контрреволюционной организации. Никто из них не ожидал такого оборота дела и потому сопротивления не оказывал.

Наконец, я смог увидеться с Тоней. В ее глазах было столько тревоги, нежности, заботы, что поспешил ее успокоить:

– Все хорошо, все целы.

Она обняла меня и заплакала.

Шли дни за днями, где были допросы, очные ставки, оформление документов. И вот наступил тот день, когда мог пойти в гости к Тоне. Теперь уже ничто не сможет отменить нашу свадьбу. Она будет в ближайшее воскресенье.

Но я был все еще слишком самонадеян: слишком мало прослужил на границе. Ночью меня подняли по тревоге: сбежал Верзила. Так мы звали между собой ярого антисоветчика Михайлова. Пока наша группа занималась Волошиным, другая взяла Верзилу. Это был огромный человек, сутулый, с тяжелым и мрачным взглядом из-под полуопущенных век. Бывший офицер царской армии, он не раз переходил границу и оставался неуловимым. Но вот взяли и его. Поместили в штабе, у дверей комнаты поставили часового. А ночью меня разбудил связной:

– Вас – к Вариводе. Михайлов ушел...

Когда я прибежал в комнату Вариводы, тот, покачиваясь с носка на каблук, стоял перед часовым:

– Видал орла? Заснул на посту. Марш на гауптвахту! Он повернулся ко мне:

– Я в штабе сейчас один. Ты первый подросел. Глянь, куда он мог уйти, а я соберу людей...

Я осмотрел все возможные пути выхода из штаба. Михайлов мог уйти по лестнице на чердак, оттуда через слуховое окно на крышу, с крыши по ветвям перелезть на дерево, оттуда спуститься на землю. И – поминай как звали!

Я вернулся в комнату Вариводы. Здесь уже было полно народу. Доложил свои наблюдения.

– Берите собак, живым или мертвым, но Михайлова надо взять.

...Я глянул на часы. Прошло уже 36 минут, как мы бежали. Собака ровно и уверенно вела нас по следу. Нам повезло, что Михайлов ушел ночью, и следы его никто не затоптал. Они вели нас через город, по набережной, по чистому полю.

– Придержи собаку, – попросил я на бегу проводника.

Силы надо беречь.

Сапоги, галифе намokли, потяжелели. Бежать становилось все труднее. Во рту пересохло. На окраине села, далеко за Благовещенском, решили передохнуть. Нас было трое. Остальные отстали по дороге.

– Мы возьмем его, – успокоил меня проводник. – Днем он через границу не сунется, а до ночи – догоним.

– Хорошо бы. Пора!

И вновь собака тянула нас ровно и настойчиво. Кусты, овраги, мелкий подлесок... Я сбросил шинель и шапку. Бежать стало легче. Выскочив на опушку леса, мы увидели два сарая для сена. И тут наша собака зарычала, шерсть у нее поднялась дыбом.

– Спокойно, Елена, спокойно, – успокаивал ее проводник, но она рвалась к сараям.

Михайлова мы взяли на чердаке одного из сараев. Оружия у него не было, сил сопротивляться тоже.

Назад возвращались на двух подводах. Я лежал на сене, блаженно вытянув ноги, стараясь не пропустить тот овраг, где оставил шинель. В ту ночь и утро мы пробежали почти два десятка километров.

Встречал нас Комаров, командир из погранотряда.

– За службу спасибо, молодцы, – и он обнял каждого из нас. Михайлова увели.

– Зайди ко мне, – кивнул он мне. Я выпил три кружки воды и пошел. Комаров меня сразу же, с порога озадачил:

– В Москве давно был? Домой хочешь?

– Больше двух лет мать не видел...

– Вот и решили мы тебя в столицу командировать за отличную службу. Задание у тебя будет не совсем обычное: вручить красноармейскую книжку, форму и шашку секретарю ЦК партии Павлу Петровичу Постышеву. Здесь, на Дальнем Востоке, он участвовал в революционной борьбе. Вот и избрали мы его Почетным пограничником. Выезд – завтра.

– Как завтра? – ахнул я. – А Тоня?.. Свадьба же у меня.

– С Тоней сам поговорю. Вернешься – три дня дадим.

Весь день я боялся попасть на глаза моей невесте. И все же она нашла меня сама.

– Я все понимаю, Толя. Служба... Маме своей привет передавай. Я буду ждать...

Я понял тогда, что офицерской женой, наверное, надо родиться. А потом была дорога, Москва с ее перезвоном трамваев, шумом площадей, огромным строительством. Мама в первый миг меня не узнала, а потом, ахнув, всплеснула руками и села: ноги ее не держали.

...Через день я был в приемной Постышева, волновался, конечно.

– Товарищ Горшков, вас ждут, – и я вошел в кабинет.

– Товарищ Постышев, – голос у меня едва не сорвался. – Представитель краснознаменного пограничного отряда прибыл для вручения вам красноармейской книжки Почетного пограничника, обмундирования и оружия.

Постышев улыбнулся, принял наши подарки, положил их на маленький столик, но не удержался, взял шашку, вынул из ножен, потрогал лезвие. А потом пригласил меня сесть. Разговор был долгий. Я быстро успокоился, рассказал о делах на границе, о службе, о нашем отряде. Постышев не перебивал меня, и уже потом, записывая дома эту беседу, я вдруг с удивлением обнаружил, что Павел Петрович незаметно и точно направлял нашу беседу по нужному руслу, не давал мне углубляться в мелочи.

В Благовещенск поезд пришел ночью. Я добрался до квартиры, которую обещал выделить мне Комаров после отъезда на учебу одного из офицеров. В мое отсутствие сюда должна была переехать Тоня. Я подошел к двери и почувствовал вдруг, как забилося сердце. Постучал. Знакомый милый голос отозвался из-за двери: «Это ты, Толя?»

Через три дня мы сыграли свадьбу. И потянулись дни, наполненные для молодой жены постоянной тревогой, ожиданием. Граница в то время на Дальнем Востоке была, как говорят пограничники, активной. Меня зачисляли в разные группы, я участвовал в работе по разным «делам». Были перестрелки, погони, задержания. Я чувствовал, что становлюсь хладнокровней, расчетливей, бережливей к людям.

В феврале 1933 года получил назначение в Молдавию, через два года – в погранотряд на польской границе, в 1938 году снова переезд. К тому времени у нас родились две дочери.

А потом был Киев, работа в Управлении пограничных войск, участие в освободительных действиях наших войск в западных областях Украины и установлении новой границы. Тяжелое это было время. Но мне оно нравилось. Чувствовал себя причастным к серьезному и важному делу – защите Родины. Для меня эти слова имели реальный смысл. Каждый обезвреженный диверсант, шпион, разведчик исчезал с линии невидимого фронта, а значит, меньше становилась опасность для страны, для людей, которых я любил, для моих маленьких дочерей. Но вскоре пришлось расстаться и с Киевом – меня перевели в Москву, в Главное управление пограничных войск.

В начале июня 1941 года в составе инспекционной группы Главного управления погранвойск я выехал в Белорусский округ. Побывали мы во многих отрядах, на заставах, проверили боевую подготовку пограничников. И по мере того, как продвигались по границе, росла тревога. На той стороне подтягивались войска, оживилась немецкая разведка, нарушения границы следовали одно за другим.

Отчет о поездке писали уже в Москве. Закончили за полночь в субботу 21 июня. Когда расходились по домам, я встретил в коридоре очень встревоженного дежурного по управлению, خوشего своего товарища Сергея Троицкого.

– Что случилось, Сережа? – бросился я к нему.

– Потом, Толя, потом, – сказал он.

– Такая тайна?

Это очень серьезно, Толя...

ГЛАВА II

Ночевал у мамы. Тоня с девочками была на даче. Утром меня разбудила мама, и, увидев ее лицо, я понял: беда.

– Война, Толя, – сказала она.

В управлении сразу же нашел Трицкого.

– Ты знал уже тогда, Сережа?

– Это было донесение, что перешел границу немецкий солдат и передал: в четыре утра начнется война.

Нашел свободный стол и тут же написал рапорт с просьбой отправить меня на фронт. Но и на него, и на другие, которые писал, получил отказ. Мне была предназначена другая доля.

... Я приехал на Курский вокзал, попрощался с шофером. Взял чемодан и пошел к поезду.

Старый, выдавший виды вагон был битком набит людьми. Ехали долго. Поезд стоял на разъездах, пропуская воинские эшелоны, идущие на юг, санитарные поезда с выбоинами от пуль и осколков снарядов; длинные, казавшиеся иногда бесконечными составы с эвакуированным оборудованием заводов. Половина страны двинулась в дорогу.

Я жадно вглядывался в березовые тихие рощи, залитые солнцем, в ленту Оки, мирно текущую среди родных русских берегов, и не укладывалось в сознании, что фашисты уже идут по нашей земле, что они смогут прийти и сюда.

Тула... День стоял тихий, теплый, сухой, солнечный.

Я пошел пешком по Красноармейской улице (ныне проспект). Она утопала в зелени. Невысокие, выросшие в землю и потому казавшиеся

коренастыми домишки крепко стояли по обеим ее сторонам, затаенно поглядывая на редких прохожих чистыми окнами. Они уже кое-где предусмотрительно крест-накрест были заклеены полосками газетной бумаги, везде стояли бочки с песком. Звонкий посвист раздался со двора, мимо которого я проходил, и, торопливо и шумно плеская крыльями, в небо ушла стая голубей.

Та-та-та-та! – перекрыл вдруг все звуки знакомый, ставший за годы службы почти родным, голос станкового пулемета. Война...

Я вышел к кремлю. Бойницы башен сонно, словно прищурившись, неподвижно глядели на меня, когда я проходил мимо. Во всем облике древнего укрепления таилась спокойная и мощная сила.

В областном управлении НКВД я предъявил свои документы дежурному, показал назначение. Он позвонил куда-то, назвал номер комнаты, и я поднялся на второй этаж. Меня уже ждали, встретили радушно. В первый же день вместе с ответственными работниками управления вызвали к первому секретарю обкома партии Василию Гавриловичу Жаворонкову.

Признаться, я не ожидал такой оперативности и был приятно удивлен напором туляков. По всему чувствовалось, что работают здесь люди дела.

Василий Гаврилович Жаворонков встретил нас сдержанно-суховато, но приветливо. Я знал, что по возрасту мы с ним почти ровесники, что на партийной работе он давно, и мнение о нем сложилось как об опытном, знающем, а главное, думающем работнике. Бегло просмотрев мои документы, он чуть дольше задержал в руках партийный билет и офицерскую книжку.

– Это хорошо, что вы служили на границе, – сказал он, – надеюсь, что опытом, приобретенным там, поделитесь с нашими людьми. Дело вам предстоит новое и важное. Истребительными батальонами, диверсионной работой в тылу врага никому из туляков заниматься раньше не приходилось. Поэтому мы и просили, чтобы дали знающего человека.

– Мне ведь тоже не приходилось, – уточнил я.

– Служба на границе – это немало, – сказал Жаворонков. – Первое, что от вас требуется, – заняться истребительными батальонами.

Он помолчал. И тогда я решился: – Вы думаете, они понадобятся здесь? Вы допускаете, что Гитлер дойдет до Тулы?

Жаворонков поднял на меня тяжелый взгляд. Я не отвел глаза, хотя и почувствовал всю неуместность своего вопроса. Жаворонков помолчал.

– Я прошу вас отнестись к своей работе со всей возможной серьезностью и старанием, – сказал он твердо. – Оттого, насколько хорошо вы сделаете свое дело, будет зависеть жизнь сотен людей, которых мы вам отдаем сегодня. В основе своей – это мирные люди, отличные специалисты, коммунисты, комсомольцы... Научить их воевать – ваша задача. Не мы развязали эту войну, но коль уж она началась, то драться нужно профессионально. Только при таком подходе мы сможем сохранить людей, научиться выигрывать малые и большие бои...

Жаворонков говорил, а я поймал себя на мысли, что мне в общем-то повезло, что попал именно в Тулу. Первый секретарь хорошо знал обстановку в области, как идет формирование и обучение истребительных батальонов, называл даты, цифры, имена, давал краткие характеристики партийным руководителям, с которыми мне предстояло работать.

– Потребуется помощь обкома партии, приходите прямо ко мне, – сказал он, пожимая на прощание руку. – Верю, по пустякам не придете.

Мы вышли.

– Устал Василий Гаврилович, – сказал кто-то из моих провожатых. – Похудел, почернел.

– Похудеешь, – сказал я. – Такая махина на плечах.

Поселили меня в гостинице «Центральная». Стол, стул, кровать, тумбочка с настольной лампой, шкаф. Окно выходило во двор, и шум с Советской улицы ко мне не долетал. И все же на следующий день я проснулся рано, несмотря на усталость предыдущего дня. Рассвет едва синел за окном, звезды еще не погасли.

– С чего начинать? – вот вопрос, который не дал снова уснуть. У меня нет времени на долгое ознакомление с новой работой и уже сегодня придется решать какие-то проблемы, руководить людьми, отдавать приказы. Оттого, насколько верно я сделаю свои первые шаги здесь, будет зависеть успех дела.

Я встал, умылся, оделся и пошел в управление. Увидев меня, дежурный передал увесистый замысловатый ключ от кабинета.

На столе я нашел те документы, которые попросил оставить мне с вечера. Все они в той или иной мере касались создания истребительных батальонов. Работая в Главном управлении погранвойск, уже в первые дни войны я был назначен в штаб по руководству истребительными батальонами. Руководил им генерал-майор Гавриил Александрович Петров. Умный, быстрый и смелый в решениях человек, он научил меня многому. И вот теперь этот опыт должен был сослужить мне добрую службу. Я быстро просмотрел документы.

Специальное постановление Совета Народных Комиссаров

«Об охране предприятий и учреждений и создании истребительных батальонов»*. Этот документ, принятый уже на третий день войны, был мне хорошо знаком. В нем шла речь о формировании в прифронтовой полосе и местностях, объявленных на военном положении, добровольных отрядов народного ополчения. Они были грозной силой в борьбе с диверсантами и шпионами. Более того, на них легла основная тяжесть по охране заводов, электростанций, мостов, связи, железных дорог... Они вели беспощадную борьбу с дезертирами, паникерами.

Все это мне было хорошо известно, и все же я еще раз перечитал постановление СНК, мысленно расставляя акценты в своей будущей работе. Тут же, на столе, нашел выписку из решения бюро Тульского обкома партии от 26 июня 1941 года о формировании на территории области и в городе истребительных батальонов. В следующей справке на имя В. Г. Жаворон-

кова говорилось о том, что ко 2 июля организационная работа по формированию батальонов закончена. Создан 91 батальон численностью до 10 тысяч человек.

Вскоре меня представили работникам отдела, с которыми мне надо было браться за дело. Мокринский, Щербаков, Аникушин, Соколов, Зенякин, Корчагин, Бобырь...

Совещание было коротким и деловым. На все вопросы я получал ясные, короткие, обстоятельные ответы. Из них вырисовывалась не совсем отрадная картина. Да, батальоны созданы, но для того, чтобы превратить их в боевые подразделения, требовалось от нас много смекалки и усилий.

– Итак, хотел бы посоветоваться с вами вот о чем, – я встал из-за стола и пошел по кабинету. – Думаю, первое, что нам необходимо в ближайшие дни сделать, – это определить учебную программу для батальонов. Утвердить ее здесь, в управлении, потом в обкоме партии, в Центральном штабе. Без этого пущенная на самотек боевая подготовка далеких от военного дела людей может в дальнейшем сослужить плохую службу. Нам нужна короткая, но вместе с тем всеобъемлющая программа. Ваше мнение?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.